

Борис Мессерер хорошо знает Ахмадулину. Но ничего о ней не говорит

1. ВЫСТАВКА.

Вернисаж Мессерера был в Академии художеств почти месяц назад, и тогда старенькое здание на Пречистенке чуть не развалилось от переизбытка гостей.

Правда, повышенная людность мешала разглядеть как следует саму выставку, и зря: на нее стоит посмотреть. Писать же о ней трудно, приходится впадать в длинные перечисления, так как Борис Мессерер увлекается слишком многими жанрами искусства. От станковой живописи до инсталляций.

2. ТЕАТР.

Но все-таки главную роль в его жизни играет именно театр. Это связано и с памятью об отце — зна-

менитом танцовщике Большого Асафе Мессерере. И с первыми опытами работы в "Современнике". Это было начало, зарождение нового театра. Тогда-то Борис Асафович и познакомился с Олегом Ефремовым, они некоторое время работали вместе, а потом разошлись в разные стороны. Из-за споров об искусстве.

Позже Борис Мессерер работал в Большом театре, и среди спектаклей, им оформленных, можно вспомнить замечательную прокофьевскую "Золушку". Были в жизни Мессерера и другие театры. Но около пяти лет назад Олег Ефремов пригласил его во МХАТ.

О новом "Борисе Годунове" Мессерер говорит осторожно, как будто опасаясь спугнуть. Он избегает сло-

ва "доволен" и называет новый спектакль версией — не более.

3. СЕМЬЯ.

Он уходит и от рассказов о семье — с ловкостью, которая дается лишь в результате длительной тренировки. Хотя вопросы на эту тему ему будут задавать всегда. Его отец танцевал некогда с Улановой, его мать — Анель Судакевич — снималась еще в немых фильмах. А его женой стала загадочная Белла Ахмадулина, имя которой не нуждается ни в каких пояснительных фразах.

— Люди искусства как-то предзнают друг о друге, — говорит Мессерер о Белле. — Я многое предзнал о ней, и в этом смысле наше знакомство можно считать не случайным.

Пусть это туманный ответ, но я не думаю, что стоит... конкретизировать, — добавляет он, произнося слово "конкретизировать" чуть не приязненно.

Конкретизировать действительно не стоит. Вполне достаточно взгляда на портрет Беллы кисти Мессерера. Или чтения ее стихов, посвященных мужу и его мастерской.

Мастерской, в которой перебивали многие знаменитые актеры, поэты, художники и режиссеры. В которой, как писала когда-то Белла Ахмадулина, "четыре вещих граммафона во тьме таинственно растут". Об этой мастерской на чердаке рассказывают почти легенды — как и о ее хозяине, Борисе Мессерере.

Комм. правда. — 1994 — 28 окт. — С. 20

Мессерер Борис Асафович

28.10.94.